
**Секретное положение о КГБ
при Совете министров СССР 1959 г.:
попытка создания правовой основы деятельности спецслужб**

Алексей Пожаров

**The secret provision on the KGB
at the Council of Ministers of the USSR in 1959:
an attempt to create a legal basis for the activities of special services**

Aleksey Pozharov

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

DOI: 10.31857/S086956870000133-7

Реформирование советских спецслужб, в том числе изменения их статуса — от ранга самостоятельного наркомата (министерства) до комиссии (комитета) при Совнаркоме/Совете министров (СМ) СССР, как правило, не имели надлежащего правового обеспечения.

Работа отечественных спецслужб начиная с момента образования Всероссийской чрезвычайной комиссии (ВЧК) при Совнаркоме РСФСР по борьбе с контрреволюцией и саботажем (1917) до ликвидации Комитета государственной безопасности (КГБ) СССР (1991) основывалась на нескольких важнейших правовых актах. Это были Конституция РСФСР (1918); декрет ВЦИК «О Всероссийской и местных чрезвычайных комиссиях (положение)» (от 28 октября 1918 г.); дополняющее это положение постановление ВЦИК «О праве вынесения приговоров ВЧК и революционными трибуналами» (от 17 февраля 1919 г.); «Положение о Государственном политическом управлении» (от 6 февраля 1922 г.); «Положение об Объединённом государственном политическом управлении СССР и его органах» (от 15 ноября 1923 г.); Конституции СССР, принятые в 1924 и 1936 гг.; «Положение о Комитете государственной безопасности при Совете министров СССР и его органах на местах» (от 2 марта 1959 г.); Конституция 1977 г. И если правовые документы, принятые в 1918–1922 гг., имели юридическую силу несколько лет, то положения об Объединённом государственном политическом управлении (ОГПУ) и КГБ — более трёх десятилетий.

С точки зрения нормотворчества, положение о КГБ и его органах было самым объёмным и тщательно выверенным. Вместе с тем ведомственная правовая база периода функционирования этой структуры КГБ отличалась высокой степенью секретности по сравнению с аналогичными документами ВЧК—ОГПУ. С середины 1930-х гг. партийно-государственная власть и руководство спецслужб скрывали разработанные концептуальные основы деятельности советских органов госбезопасности не только от советской общественности, но даже от рядовых сотрудников НКВД—КГБ. Например, только узкий круг партаппаратчиков и высшего руководящего звена ведомства был осведомлён о содержании приказа

председателя КГБ при СМ СССР от 19 марта 1959 г.¹, итога многолетней разработки фундаментального «Положения о Комитете...».

Когда в 1934 г. ЦИК СССР упразднил ОГПУ и образовал союзно-республиканский Народный комиссариат внутренних дел (НКВД) СССР, возник вопрос о необходимости переработки положения об ОГПУ и издании нового — о НКВД. Однако в период массовых политических репрессий в стране, а затем во время Великой Отечественной войны деятельность спецслужб так и не была ограничена какими-либо правовыми рамками.

Логика объединения органов госбезопасности и внутренних дел (1934) требовала разработки основополагающего документа для обновлённого и укрупнённого НКВД СССР. Однако издание соответствующего положения Сталин отложил на неопределённый срок. Кроме того, использование органов госбезопасности вне правовых границ по усмотрению сталинского режима давало ему дополнительные возможности для укрепления единоличной власти вождя и устранения всех его потенциальных политических конкурентов.

После окончания Великой Отечественной войны, в начале реорганизации государственного механизма (возникновение министерств вместо наркоматов, объединение военной контрразведки «СМЕРШ» с разведывательными и контрразведывательными органами НКГБ СССР) на повестке дня вновь возник вопрос об изменении давно устаревшего положения об ОГПУ для правового обеспечения деятельности (с 1946 г.) Министерства государственной безопасности (МГБ) СССР.

Острая дискуссия по основным пунктам этого важного правового акта шла несколько лет. Его проект сначала подготовили для МГБ СССР, и уже летом 1952 г. документ был практически готов, но юридическую силу он так и не получил — смерть лидера страны привела к острой политической борьбе за власть и кардинальным преобразованиям в структурах государственного механизма.

В 1953 г., когда МГБ и МВД функционировали в едином министерстве (с марта 1953 по март 1954 г. — объединённое МВД), в контексте перестройки и укрупнения госаппарата с новой силой развернулись обсуждения в верхах, впрочем, не позволившие оперативно доработать и утвердить главный правовой документ советской разведки и контрразведки. Проект «Положения о Министерстве внутренних дел СССР», одобренный Л.П. Берией 16 июня 1953 г., стал неактуальным уже через десять дней после ареста руководителя советских спецслужб². По сути, с 1934 г. органы госбезопасности с юридической точки зрения находились в нелегитимном положении, используя в своём правовом поле давно устаревшее и не отвечавшее необходимым требованиям положение об ОГПУ и его органах³.

Таким образом, в правовой практике НКГБ—МГБ—МВД СССР и КГБ при СМ СССР до 1959 г. использовался юридический документ, регламентирующий деятельность давно упразднённой государственной структуры. С 1934 г. всё правовое регулирование советских спецслужб не имело фундаментальных основ и базировалось на подзаконных юридических актах, которые оставались недоступными широким кругам общественности. В правовом отношении органы

¹ Положение о Комитете государственной безопасности при Совете министров СССР и его органах на местах // Лубянка. ВЧК—КГБ. 1917—1991. Справочник / Сост. А.И. Кокурин, Н.В. Петров. М., 2003. С. 693—698.

² Проект Положения о Министерстве внутренних дел СССР от 16 июня 1953 г. // Лубянка. ВЧК—КГБ. 1917—1991... С. 681—684.

³ Коровин В.В. История отечественных органов безопасности. Учебное пособие. М., 1998. С. 21.

госбезопасности находились на уровне сугубо политического инструмента правящей Коммунистической партии, главенствующее значение которой как руководящего ядра всех общественных и государственных организаций СССР было закреплено в ст. 126 Конституции 1936 г.

Вместе с тем в кругах историков бытует мнение о том, что якобы в закрытых архивах существует «Положение об НКВД СССР» (1934), которое только ещё предстоит рассекретить и ввести в научный оборот⁴. Но почему же этот документ всё ещё остаётся под грифом «совершенно секретно», а «Положение о Комитете...» рассекречено? Согласно источниковедческому анализу проект «Положения о НКВД...» неоднократно обсуждали на Политбюро ЦК ВКП(б), но так и не утвердили. Можно предположить, что на завершающем этапе дискуссии на сталинское решение повлияло убийство С.М. Кирова (1 декабря 1934 г.), ставшее поводом к ужесточению режима и прологом к переориентации органов НКВД в сторону усиления внутривнутриполитических репрессий. В новых условиях Сталину требовался многочисленный аппарат насилия, подчинявшийся лично ему, без каких-либо юридических ограничений, обозначенных в положении. Это обстоятельство стало залогом успешной реализации курса на ликвидацию оппозиции и сохранение единоличной власти вождя.

Экстраполируя ситуацию в СССР середины 1930-х гг. на постсталинский период, необходимо отметить, что принятие в 1959 г. базового для советских спецслужб юридического документа тоже было осложнено — теперь перманентной борьбой за власть «наследников» Сталина.

Выделение КГБ из структур МВД СССР законодательно оформило решение Президиума ЦК КПСС от 8 февраля 1954 г. и последующие правовые акты исполнительной и законодательной властей (совместное постановление ЦК КПСС и СМ СССР от 12 марта 1954 г., указ Президиума Верховного совета СССР от 13 марта 1954 г.)⁵. Одновременно первому руководителю органов госбезопасности генералу И.А. Серову предложили в месячный срок разработать и представить на утверждение в партийные и советские инстанции проект положения о КГБ при СМ СССР. Вопрос о необходимости выполнения этой задачи генерал вынес на повестку дня одного из первых заседаний коллегиального органа спецслужб — комитета КГБ при СМ СССР (с таким названием комитет просуществовал до 1959 г., затем был переименован в «Коллегию Комитета государственной безопасности при СМ СССР»). Однако работа над этим проектом затянулась до декабря 1958 г. — даты ухода Серова с поста руководителя органов госбезопасности. На протяжении четырёх лет председатель КГБ так и не смог до конца согласовать подготовленный документ с партийными функционерами из ЦК партии.

Одна из причин столь длительного обсуждения и затягивания итогового решения — возникшие разногласия между председателем Комитета госбезопасности и руководителями административного отдела ЦК КПСС. В марте 1954 г. в ходе начавшегося формирования тезисов проекта «Положения о Комитете...» у Серова возникли серьёзные противоречия по некоторым принципиальным вопросам с заведующим административным отделом ЦК КПСС А.С. Желтовым,

⁴ *Haustov V.N. Razvitie sovetskikh organov gosudarstvennoj bezopasnosti: 1917–1953 gg // Cahiers du Monde russe. Avril-décembre (Paris). 2001. № 42/2–3–4. P. 358 (URL: <http://monderusse.revues>; data обращения: 09.04.2016).*

⁵ *Афиани В.Ю., Панина А.Л., Пожаров А.И. «Честно служить партии». Постановление Президиума ЦК КПСС об образовании КГБ при Совете министров СССР. 1954 г. // Исторический архив. 2002. № 3. С. 3–28.*

его заместителем В.В. Золотухиным и заведующим сектором В.С. Тикуновым. Чиновники ЦК настойчиво отстаивали линию партии, которая, по их мнению, должна была пронизывать весь текст документа. Руководство же КГБ апеллировало к законодательным актам ГПУ—ОГПУ и на этом основании стремилось подчеркнуть в «Положении о Комитете...» приоритет Совета министров. Добиваясь правового оформления контроля над ведомством, партаппаратчики задействовали весь административный ресурс. Прежде всего их не устраивала независимая личность Серова, назначенного на должность председателя КГБ по рекомендации Первого секретаря ЦК партии Н.С. Хрущёва и пользовавшегося (как друг) его доверием. Поскольку в административном отделе решались вопросы подбора и расстановки руководящих кадров милиции, КГБ, суда, прокуратуры, Министерства обороны, руководство этого структурного подразделения ЦК партии могло постепенно увеличивать количество руководящего состава спецслужб из числа партийных функционеров.

Используя служебное положение в ЦК партии как кураторов всех правоохранительных и силовых ведомств СССР, Желтов, Золотухин и Тикунов добились проведения проверок работы КГБ по линии следствия, в ходе которых вскрылись затягивания сроков следственных действий, нарушения предписаний ведомственных инструкций, отдельные злоупотребления следователей и т.д.

Кризис в отношениях между руководством КГБ и административного отдела ЦК КПСС наступил летом 1956 г., когда партийные функционеры в письме членам Президиума ЦК высказали упрёки по поводу состояния следственной работы в КГБ и острую критику в адрес его главы. Вскоре сотрудники адмотдела включили вопрос о ситуации в работе следственных аппаратов Комитета госбезопасности в повестку дня одного из заседаний ЦК, где генерал вынужден был оправдываться и объясняться по поводу вынесенных в его адрес замечаний. Однако события в Венгрии 1956 г. отодвинули разрешение конфликта на второй план, так как Серов сыграл значительную роль в наведении порядка в этой стране⁶.

В начале 1957 г. по инициативе сотрудников административного отдела на «Старую площадь» пригласили руководство КГБ. На заседании секретариата ЦК в присутствии этих сотрудников Серову было предписано отчитаться о работе следственных аппаратов возглавляемого им ведомства. С этой целью председатель КГБ подготовил развёрнутую записку⁷. В ходе рассмотрения вопроса секретари ЦК КПСС Л.И. Брежнев и А.Б. Аристов указали Серову на серьёзные упущения в работе следственных отделов КГБ и нехватку аргументации при объяснении их причин. Эту информацию доложили Хрущёву, после чего Серов был вынужден давать письменные объяснения об имеющихся в подчинённом ему ведомстве злоупотреблениях уже лично первому лицу в партии. На фоне ухудшения отношений между председателем КГБ и его кураторами из ЦК КПСС работа над проектом «Положения о Комитете...» к лету 1958 г. окончательно зашла в тупик.

Анализ некоторых проектов этого положения, направленных в адрес СМ СССР и ЦК КПСС (с июля по октябрь 1958 г.) за подписью Серова, показал, что юристы из КГБ, по существу, недооценили роль и значение партийных органов

⁶ См.: Венгерские события 1956 года глазами КГБ и МВД СССР. Сборник документов / Сост. А.А. Зданович, В.К. Былинин, В.К. Гасанов, В.И. Коротаев, В.Ф. Лашкул. М., 2009.

⁷ Из записки И.А. Серова в ЦК КПСС о работе КГБ при Совете министров СССР от июня 1957 г. // Лубянка. ВЧК—КГБ. 1917—1991... С. 688—692.

в деятельности их ведомства. Например, в одной из первоначальных редакций подготовленного на Лубянке проекта указывалось, что председатель КГБ должен был назначаться только Президиумом Верховного совета СССР (без участия ЦК КПСС), и отсутствовал тезис о руководящей роли партии. В этом варианте председатель КГБ имел право издавать приказы и инструкции на основании и во исполнение действующих законов, постановлений и распоряжений только правительства СССР. В ст. 19 проекта, подготовленного Серовым, указывалось, что руководство КГБ должно было систематически докладывать о состоянии в стране государственной безопасности и мерах, принимавшихся Комитетом по её обеспечению, Совету министров СССР и ЦК КПСС (т.е. правительство названо первым, ЦК партии – вторым).

В итоге затянувшейся дискуссии сотрудники административного отдела ЦК КПСС в заявлении на имя его Первого секретаря обвинили Серова в чрезмерном ведомственном патриотизме, в нежелании сократить аппарат КГБ, уменьшить его численность, изменить структуру и смягчить карательную политику. В довершение ко всему на имя Хрущёва в ЦК партии в ноябре 1958 г. (очень кстати для Желтова, Золотухина и Тикунова) поступила объёмная жалоба на Серова от начальника управления КГБ при СМ СССР по Ленинградской обл. генерал-майора Н.Р. Миронова. Здесь руководитель ленинградских чекистов подверг острой критике председателя КГБ за его авторитарные методы руководства, грубость, администрирование, зажим самостоятельности руководителей местных органов госбезопасности.

Спустя три недели после этого обращения, 8 декабря 1958 г., Серова сняли с должности председателя КГБ и перевели в Главное разведывательное управление Генерального штаба Вооружённых сил СССР, а вместо него назначали бывшего Первого секретаря ЦК ВЛКСМ А.Н. Шелепина. Можно предположить, что перевод Серова стал вынужденным шагом Хрущёва для разрешения возникшего кризиса между руководителем чекистского ведомства и влиятельной группировкой функционеров из ЦК партии. Они смогли таким образом «взять под контроль» ключевое ведомство, имеющее все возможности для осуществления перераспределения власти в стране. Октябрьские события 1964 г., в результате которых Хрущёв «добровольно» написал заявление о выходе на пенсию, подтверждают эту гипотезу, поскольку именно адмотдел ЦК КПСС и «комсомольцы»-руководители КГБ стояли у истоков правительственного переворота в СССР.

Именно с конца 1958 г. в КГБ наступило время правления комсомольских лидеров и кадровых пертурбаций, структурных преобразований. Согласно одному из первых приказов Шелепина в качестве нового председателя КГБ (от 2 января 1959 г.) «за умелое проведение агентурно-оперативных мероприятий и проявленную при этом инициативу» генерал-майору Н.Р. Миронову была объявлена благодарность и вручён ценный подарок. Чуть позже, в июне 1959 г., Миронова ожидал новый карьерный взлёт. Он с повышением был переведён в Москву на должность заведующего административным отделом ЦК партии, которую до этого занимал Желтов. С того момента Миронов стал ключевой фигурой в аппарате ЦК КПСС и куратором Шелепина по партийной линии. При непосредственном участии Николая Романовича, по сути, при его руководстве происходили реорганизация КГБ (1960), ликвидация союзного МВД (январь 1960 г.), а затем

и предпринятые гонения на Серова, вплоть до его дискредитации и увольнения на пенсию⁸.

Что же касается судьбы «Положения о Комитете...», то сотрудники административного отдела ЦК КПСС всё же добились на заседаниях его секретариата и Президиума осенью—зимой 1958 г. внесения в проект поправок, законодательно закреплявших полную подчинённость КГБ партийным органам.

9 января 1959 г. на заседании Президиума ЦК КПСС проект наконец-то утвердили⁹. Примечательно, что даже на этом итоговом заседании в присутствии только что назначенного председателя КГБ Шелепина была внесена ещё одна дополнительная поправка, подчёркивавшая руководящую линию партии.

Постановлением от 2 марта 1959 г. Совет министров СССР продублировал утверждение «Положения о Комитете...» с целью придания этому документу законодательной силы. 19 марта приказом председателя КГБ при СМ СССР этот документ был объявлен с грифом «совершенно секретно» и окончательно принял законную силу для всей системы органов госбезопасности. С этого момента в КГБ начались масштабные изменения — постепенное слияние структур ведомства, которое объяснялось усовершенствованием и упрощением центрального и местных аппаратов органов государственной безопасности. В ходе развернувшейся реорганизации КГБ его председатель Шелепин взял курс на «омоложение» кадров. В рамках партийной линии укрепления социалистической законности в советских спецслужбах появился новый импульс дальнейшего развития законотворчества в деятельности органов госбезопасности.

Хотя «Положение о Комитете...» носило идеологизированный характер, его издание стало настоящим событием в жизни отечественных спецслужб, определившим вектор их развития на три десятилетия вперёд, вплоть до 1991 г. Чекисты наконец-то получили базовый юридический документ, где были сформулированы основные задачи и принципы организационного построения органов КГБ. Впервые за четверть века (1934—1959) деятельность органов государственной безопасности была поставлена в рамки хотя и строго засекреченного, но всё же общепринятого нормативного акта.

Пункты приказа КГБ при СМ СССР от 19 марта 1959 г. подтверждали приверженность взятому курсу — на борьбу с разведывательно-подрывной деятельностью спецслужб иностранных государств. Несмотря на наличие политических и идеологических установок, не соответствовавших реалиям оперативной обстановки, в приказе содержался ряд важных теоретических и практических положений, способствовавших внесению кардинальных изменений в подходах к организации деятельности отечественных спецслужб. Впервые задачи контрразведывательной работы были сформулированы с учётом направлений борьбы, обусловленных характером подрывной деятельности и объектов подрывных устремлений.

В соответствии с «Положением о Комитете...» на органы государственной безопасности возлагались следующие задачи: разведывательная работа в капиталистических странах; борьба со шпионской, диверсионной, террористической и иной подрывной деятельностью иностранных разведывательных органов, зарубежных антисоветских центров и с их агентурой внутри страны; борьба с враждебной деятельностью антисоветских и националистических элементов внутри

⁸ Петров Н. В. Первый Председатель КГБ Иван Серов. М., 2005. С. 325—328.

⁹ Выписка из протокола № 200 заседания Президиума ЦК КПСС с утверждением проекта положения о КГБ при СМ СССР от 9 января 1959 г. // Лубянка. ВЧК—КГБ. 1917—1991... С. 693.

СССР; контрразведывательная работа в Советской армии, Военно-морском флоте, Гражданском воздушном флоте, пограничных войсках и войсках Министерства внутренних дел СССР с целью предупреждения проникновения в их ряды агентуры иностранных разведок и иных враждебных элементов; контрразведывательная работа на специальных объектах, особо важных объектах промышленности и на транспорте; охрана государственных границ СССР; охрана руководителей партии и правительства; организация и обеспечение правительственной связи; организация радиоконтрразведывательной работы и учёт необходимых данных ведомственных радиостанций, действующих на территории страны; разработка мобилизационных планов по развёртыванию органов госбезопасности и войсковых частей КГБ при СМ СССР и выполнение других поручений ЦК КПСС и советского правительства¹⁰. Работа спецслужб стала определяться не только направлениями их деятельности (разведка и контрразведка), но и её различными сферами (областями) — борьба с конкретным противником и категориями враждебных элементов.

Несмотря на то что ведомство юридически функционировало в ранге союзно-республиканского министерства и находилось «при Совете министров СССР», в «Положении о Комитете...» подчёркивалось, что КГБ и его структуры на местах «являются политическими органами», а также указывалось, что органы государственной безопасности систематически отчитываются в своей работе перед партией¹¹. Таким образом, в очередной раз акцент был сделан на идейно-политический характер деятельности органов КГБ, который предопределял их назначение, компетенцию и направление работы. Непосредственный контроль за всей структурой КГБ и фактическое управление его деятельностью осуществлялись партийными органами в лице административного отдела и Первого секретаря ЦК.

Тем не менее был достигнут большой прогресс в правовом регулировании органов госбезопасности по сравнению с прошлыми годами и тезисом Сталина об обострении классовой борьбы «по мере нашего продвижения вперёд»¹², обосновывающим политические террор и репрессии внутри страны. Применение внесудебной расправы по отношению к так называемым антиобщественным элементам было прекращено.

По поводу секретности документа следует отметить следующее. Приказ председателя КГБ при СМ СССР от 19 марта 1959 г. обязал всех руководителей подразделений КГБ, в адрес которых было направлено «Положение о Комитете...», хранить его лично у себя и уже к 1 июля 1959 г. *возвратить* в секретариат КГБ! Принципиально новый нормативный акт, который регламентировал ключевые вопросы обеспечения безопасности страны и её граждан, так и остался тайной «за семью печатями». Даже некоторые категории сотрудников органов госбезопасности не имели права личного ознакомления с ним и знали о документе лишь в интерпретации руководящего состава. Чтобы ликвидировать этот пробел, председатель КГБ издал другой, более политизированный приказ от 15 июля 1959 г. — «О задачах органов государственной безопасности в связи с решениями XXI съезда КПСС и Положением о Комитете госбезопасности при Совете

¹⁰ Положение о Комитете... С. 694.

¹¹ Там же.

¹² Сталин И.В. О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников (доклад и заключительное слово на Пленуме ЦК ВКП(б) 3–5 марта 1937 г.). М., 1937. С. 29.

министров СССР и его органах на местах». Здесь имелись обобщённые фразы и цитаты из «Положения о Комитете...», снабжённые комментарием в духе марксистско-ленинских догм.

В соответствии с концептуальными установками положения отечественные спецслужбы ориентировались прежде всего на борьбу вовне, что требовало сосредоточения усилий на противоборстве с разведками иностранных государств и тем самым предопределило изменение структуры органов безопасности. В 1959 г. вторые (контрразведывательные) и пятые (контрразведывательная работа на особо важных промышленных объектах) управления — отделы — отделения¹³ в центре и на местах объединялись в единые контрразведывательные подразделения.

Таким образом, с реорганизацией МВД СССР в марте 1954 г. и выделением органов госбезопасности в самостоятельное ведомство — КГБ при СМ СССР — возникла тенденция к созданию в стране объективно необходимых разведывательных и контрразведывательных органов, обеспечивавших защиту общенациональных интересов государства взамен чрезвычайных органов государственной безопасности по борьбе с контрреволюцией и «врагами народа». Деятельность лидеров КПСС в этом направлении сочеталась с инициативным законотворчеством с целью придания работе КГБ больше легитимности. По сути, это явление было прогрессивным и представляло собой шаг вперёд по сравнению с состоянием предыдущей правовой базы. Однако стремление сохранить партийный контроль за работой КГБ и в определённой мере усилить его по-прежнему обуславливало доминирование одной партии в функционировании отечественных спецслужб. Направить «острие их деятельности» только «вовне» так и не удалось, поскольку пороки однопартийного режима власти не оставляли места для реализации юридически оправданных и позитивных идей и стремлений. Органы госбезопасности, как и раньше, отвлекались на сферу внутривнутриполитических процессов.

Приказ председателя КГБ при СМ СССР от 15 июля 1959 г. закрепил основные установки прошедшего накануне внеочередного XXI съезда КПСС: «Органы государственной безопасности как политические органы должны заниматься вопросами, связанными с классовой борьбой». В этом приказе с ещё большей силой делались акценты на идеологический и политический характер деятельности КГБ.

Так, борьба за «восстановление принципов социалистической законности», в том числе и в органах государственной безопасности, в период хрущёвской «оттепели» оказалась неоднозначной, во многом носила характер пропагандистской кампании. Но всё же это был качественно новый уровень в правовом отношении по сравнению с уровнем законопорядка довоенного времени, когда в деятельности спецслужб превалировала не столько законность, сколько «революционная целесообразность» или политическая установка вождя.

Укрепление законности стало одним из важнейших мероприятий партии по устранению последствий режима Сталина. После XX съезда КПСС в советском обществе уже открыто признали полное несоблюдение юридических норм, произвол и почти повсеместное применение политического террора в 1930—1940-х гг. Вина при этом возлагалась на «культ личности», который, как заявлялось,

¹³ Структура КГБ зависела от численности сотрудников и региона нахождения: Комитет — в республиках, управление — в областях, отдел — в районах и одновременно часть управления — отделение как часть отдела.

чрезмерно поощрялся Сталиным в последние годы его жизни, или на отдельных людей (в первую очередь обвинялись бывшие руководители НКВД–МГБ)¹⁴. Высказывания о том, что такое нарушение законности могло явиться следствием несамостоятельности судебных органов и развития системы, основанной на господствующем положении одной партии, которая ставила себя выше закона, опровергались и сурово осуждались. Какие бы ошибки не допускались в прошлом, партию, по мнению её лидеров, не следовало порицать за это, и проводившиеся меры по исправлению этих недостатков, якобы доказывали, что КПСС винить не за что. «Признание партией своих ошибок» преподносилось как «мудрость коллективного руководства и правильность марксистско-ленинской идеологии».

Практические мероприятия, проведённые с целью укрепления законности и устранения последствий злоупотреблений, допущенных в прошлом, действительно, имели немаловажное значение. В результате амнистий и пересмотра дел на большое количество лиц, заключённых в лагеря, вышли на свободу многие невинно пострадавшие. Большинство видных коммунистов, приговорённых ранее к заключению или смертной казни как изменники, были реабилитированы, но, как правило, посмертно. Одновременно началась широкая реорганизация исправительно-трудовой системы. Значительно улучшались условия жизни и работы заключённых в исправительно-трудовых лагерях, число которых к тому же сильно сократилось. Колонии передавались в совместное ведение МВД и местных Советов. Обязанности по наблюдению над условиями жизни в лагерях или колониях возлагались на местные Советы и прокуратуру. В отношении арестованных категорически запрещалось применение физического воздействия¹⁵.

Хрущёвская «оттепель» стала временем становления и развития новых форм и методов контрразведывательной деятельности органов госбезопасности, которые на десятилетия вперёд предопределили её успешное противостояние подрывной деятельности спецслужб иностранных государств. Правовая база КГБ получила дальнейшее развитие, а деятельность отечественных спецслужб, по существу, отражала особенности переживаемого страной периода – реформ и многочисленных реорганизаций.

Появление в марте 1959 г. «Положения о Комитете...», несмотря на излишнюю засекреченность, ввело юридическую базу органов КГБ в правовое поле Советского государства и внесло ясность в правовое регулирование деятельности советских спецслужб. Вместе с тем содержащиеся в этом важном юридическом акте идеологизированные установки о строгой подконтрольности Коммунистической партии и подотчётности партийным структурам свидетельствовали об окончательном превращении органов КГБ, по словам Хрущёва, в своеобразный «филиал партии»¹⁶.

ЦК КПСС и его Президиум вновь подтвердили, что они не только высшая партийная инстанция, но и органы, стоявшие над законодательной и исполнительной властью, что, безусловно, негативным образом сказалось на

¹⁴ Хрущёв Н.С. О культе личности и его последствиях (доклад XX съезду КПСС 25 февраля 1956 г.) // Известия ЦК КПСС. 1989. № 3. С. 98–178.

¹⁵ Кокурин А.И., Пожаров А.И. «Новый курс» Л.П. Берии // Исторический архив. 1996. № 4. С. 132–164.

¹⁶ Хрущёв Н.С. Речь на Всесоюзном совещании работников Комитета государственной безопасности при Совете министров СССР 7 июня 1954 г. // Никита Сергеевич Хрущёв. Два цвета времени. Документы из личного фонда Н.С. Хрущёва / Сост. А.Н. Артизов. В 2 т. Т. 1. М., 2009. С. 507–525.

эффективности работы отечественных органов безопасности. Следовательно, работа КГБ в исследуемый период приобретала сверхидеологизированный характер. Появление в 1967 г. в структуре КГБ при СМ СССР 5-го управления (борьба с идеологической диверсией) ещё раз подтверждает этот тезис.

Наряду с положительными изменениями в правовой базе отечественных спецслужб, связанных с изданием «Положения о Комитете...», необходимо отметить возрастание тенденции нарушения принципа равенства перед действующим на тот период законом. В отношении партийной номенклатуры буквально всех рангов запрещалось проведение каких-либо агентурно-оперативных мероприятий, поскольку принцип партийного руководства являлся основополагающим в работе органов госбезопасности. Так в сфере деятельности структур, обеспечивавших безопасность Советского государства, было заложено серьёзное противоречие, сыгравшее негативную роль в ходе развития кризисных явлений рубежа 1980—1990-х гг. в СССР, приведших к его распаду.